

mosday.ru/forum/viewtopic.php?p=14452&sid=a9cb29d584e0d41c96c54ea1e7f07901 ; Объекты культурного наследия: Памятники. URL : <http://reestr.answerpro.ru/monument/?page=19&order=5&desc=1>.

¹⁷ Первый том вышел в конце 2010 г.: Петровские памятники России: Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. СПб., 2010. Ч. 1.

УДК 070 (470–89) [18]

ЖУРНАЛ «СИОНСКИЙ ВЕСТНИК» – ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ А. Ф. ЛАБЗИНА

Н. И. Сидорова

Саратовский государственный университет
E-mail: jorasidorov@mail.ru

В центре внимания автора статьи – журнал «Сионский Вестник», издававшийся в 1806–1817 гг. учеником Новиковского кружка, основателем масонской ложи и вице-президентом Императорской академии художеств А. Ф. Лабзиным. Комплексный анализ статей журнала позволяет представить его религиозно-философскую концепцию и раскрыть некоторые особенности мировосприятия человека Александровского времени.

Ключевые слова: идеология, культура, человек, общество, мировоззрение, мистика.

Magazine «Zion Bulletin» – Reflection of A. F. Labzin ideas

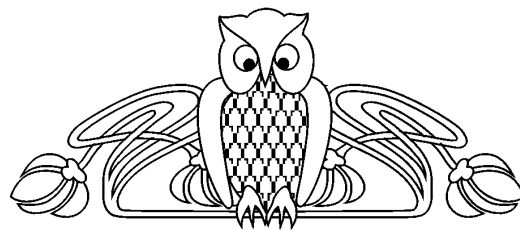
N. I. Sidorova

In the center of attention of the article author is the magazine “Zion Bulletin” that was issued in 1806–1817 by disciple of Novicov’s coterie, the founder of freemason’s lodge and the vice-president of the Imperial Academy of Arts A. F. Labzin. Multivariate analysis of the magazine articles allows to produce its religious-philosophical concept and to discover some peculiarities of world outlook of an Alexandrovsky time person.

Key words: ideology, culture, Men, society, philosophy, mysticism.

Напряженная общественно-политическая обстановка, сложившаяся в России на рубеже XVIII–XIX вв., многие внешние факторы, в том числе и события Великой французской революции, перевернувшие сознание современников и заставившие взглянуть на многие важные вещи по-другому, определили основополагающие идеи, принципы духовно-нравственного поиска целого поколения. Повышенный интерес к европейской культуре получает новый импульс, обусловивший создание масонских орденов, систем, увлечение разнообразными сочинениями знаменитых представителей западноевропейской философской мысли, появление Библейского общества. Среди населения начинают распространяться как известные трактаты Я. Беме, Л. К. Сен-Мартена, Ж.-М. Гюйон, К. Эккартсгаузена, И. Г. Юнга-Штиллинга, И. Таулера, так и мистические произведения оригинального характера, наиболее популярным из которых был «Сионский Вестник».

Что же представлял собой «Сионский Вестник» и какие идеи проповедовал А. Ф. Лабзин?

Ежемесячное периодическое издание «Сионский Вестник» включало в себя произведения разных авторов, которые подобраны и тематически объединены так, что создают впечатление цельного, хорошо продуманного и глубоко прочувствованного повествования. Журнал можно условно разделить на несколько частей, практически каждая из которых сопровождается комментариями самого издателя: первая содержит теоретические рассуждения А. Ф. Лабзина; вторая – это выдержки из сочинений, философских размышлений представителей западноевропейской и русской общественной мысли Ф. Фенелона, И. Г. Юнга-Штиллинга, Ф. Кемпийского, И. К. Лафатера, Ф. Бэкона, Г. С. Сковороды; третья – эпосы, рассказы, пожелания простых читателей, а также ответы издателя на их вопросы; четвертая – известия о наиболее важных и интересных событиях, произошедших как в России, так и в Европе, сообщения о выходе новых рекомендуемых публикаций и о том, где их можно приобрести. Издатель имел право не возвращать, исправлять и по своему усмотрению помещать присланные для публикации материалы¹.

Князю А. Н. Голицыну А. Ф. Лабзин говорил, что он одним из немногих уловил общественную потребность в религиозном просвещении и стал издавать различные книги духовного содержания, журнал «Сионский Вестник». «Сие удостоверение, – продолжал он, – составляло и поныне составляет главное мое счастье в жизни. Чувствуя от сего великое благо, я вознамерился поделиться и с ближними моими, в том уповании, что ежели случится мне кому-либо и из милейших братьев моих подать чашу воды студены: то я счастлив!»². Постановление о прохождении подобной литературы через гражданскую цензуру одновременно с поддержкой императора Александра I и А. Н. Голицына служило дополнительным, но немаловажным стимулом для продолжения такой активной деятельности. Избирая нравственно-этические проблемы главной темой журнала, А. Лабзин сетует на то, что на Западе, в отличие от России, распространение подобной литературы через специализированные учреждения, подобные немецкому христианскому магазину Пфеннингера,

происходило с большим размахом и не считалось чем-то необыкновенным³. Предлагая помощь всем людям, не владеющим иностранными языками, А. Лабзин признается в том, что при осмыслении столь сложных предметов сам ощущал потребность в дополнительных знаниях, оригинальных идеях, а ответы на многие вопросы нередко находил только после прочтения трактатов некоторых известных зарубежных авторов⁴. Он проявлял склонность к немецкой мистике и среди своих авторитетов называл Я. Бема, И. Г. Юнга-Штиллинга, Л. К. Сен-Мартена⁵. Отдавая дань уважения знаменитым философам, издатель, тем не менее, критикует их за непоследовательность, разные, нередко прямо противоположные высказывания, отход от истинных понятий, ценностей христианского вероучения и поэтому решает руководствоваться в первую очередь их главным источником – Священным Писанием⁶.

Продолжая объяснять цели, преследуемые в «Сионском Вестнике», А. Лабзин уверяет всех интересующихся подобного рода литературой, что совсем не собирается наставлять или учить кого-либо. Он только просит отнестись к «Сионскому Вестнику» снисходительно, а не раздражаться из-за несогласия с тем или иным изложенным положением. Издатель надеялся, что статьи избранных авторов, а также сочинения обычных людей смогут удовлетворить вкус и увлечь, не оставив места скуке, самых привередливых читателей⁷. Вообще А. Лабзин был убежден, что выбор злободневных, любопытных и оригинальных тем способен обеспечить гарантированный успех у публики. Отстаивая четкую самостоятельную авторскую позицию, он, скорее, выступал за субъективность подобного рода сочинений и, чтобы не быть голословным, приводил в пример Юлия Цезаря и Тита Ливия. Каждый из них при описании исторических событий пользовался определенным стилем и высказывал собственную точку зрения по тому или иному вопросу. Но повествовательный тон одного и возвышенный слог, философские размышления другого придавали сочинениям неповторимую уникальность⁸.

В одном из номеров «Сионского Вестника» издатель пишет, что имел «главной целью нашего Журнала доказать святость и превосходство Христианского учения пред всяким другим, и показать, сколь оно споспешествует самому просвещению...»⁹. Среди трех монотеистических религий он выделяет христианство как наиболее истинное, превосходное учение, поскольку именно оно, по его мнению, прославляет Господа угодным ему образом, а в Евангелии прописаны правила, следуя которым можно стать чище и совершеннее. «Не предубеждение и не случай рождения делают меня христианином, – говорит он. – Хотя я принял звание сие из следования, когда еще душа моя в младенчестве совсем была недействующая; то потом уже и с размышлением я утвердил мою присягу: и теперь я так чувствую святость моей

обязанности, что в какой бы религии я ни родился, услыша впервые об учении Христианском, я бы сего же дня принял оное с восхищением»¹⁰. Тем не менее издатель замечает, что мусульманство и иудаизм также необходимы, полезны, поскольку, наряду с самыми нелепыми сектами, содержат долю правды. Так, первые признают Христа, но, считая его ниже пророка, называют Божьим посланником, свидетельствуя о Нем даже «самыми своими отрицаниями». Если христианство занимает первое место, то иудаизм, служивший источником знаний для античных и средневековых философов, – второе, поскольку еврейский народ, в отличие от большинства других, всегда вещал об одном истинном Боге, принимал Иисуса, который родился и претерпевал страдания на их родине, за Мессию. Но, несмотря на то что, «сообразя сие с историею всех веков, должно будет признаться, что сохранение Иудейского народа есть очевидное чудо и носит на себе печать особливаго промысла о нем Божия»¹¹, евреи проповедовали лишь некоторые несистематизированные законы. Они могли дойти до некоторой степени просвещения, а за отрицание других, более важных заповедей, воспринятых христианами, они до сих пор несут заслуженное наказание, ярким примером которого является современный вид обетованной земли с разрушенным и разграбленным храмом Соломона. Полагая, что «нынешнее состояние Палестины, которой прежде плодосие еще на Римских монетах изъясняется, есть печать истины христианства»¹², Лабзин, видимо, хочет заставить людей задуматься над тем, какой образ жизни следует вести, чтобы избежать подобных ошибок и в последствии – Божьей кары.

Вообще, оправдывая христианское вероучение, А. Лабзин выходит за его узкие догматические рамки и утверждает, что одна единственно подлинная религия появилась с начала мироздания, проходит через все времена и прекратит свое существование только после Страшного суда. Духовную историю человечества А. Лабзин делит на «эпоху закона естественного», «эпоху закона писанного» и «эпоху самого Евангелия», или христианскую, соответственно представленные законами природы, мифологией, западными и восточными религиозно-философскими системами. Очевидно, это всеобщее вероучение видоизменялось и являлось человечеству в разных формах, но всегда сохраняло и совершенствовало свои основополагающие принципы, получившие наиболее полное выражение в Священном Писании: «... таким образом Библия содержит в себе вечное Евангелие во всех трех формах»¹³.

Хотя для первого периода «книга Адамова была – Натура; толкователь оной – Бог; способ научения – предание...»¹⁴, но и в настоящее время «самая убедительнейшая Религия, служащая как бы введением во все прочия, есть Природа», поскольку даже «... зрелище неба есть только протверживание, или записка, астрономической со-

вершеннейшей страны, изгладившейся из нашей памяти с тех пор, как самое зрелище сокрылось от очей наших»¹⁵. Надо отметить, что подобное стремление придать явлениям окружающей среды сакральный смысл приближает издателя к проповедникам мистической теософии – Я. Бему, Э. Сведенборгу, Л. К. Сен-Мартену и Ж. Ф. Дютуа-Мембрини. Последний утверждал, что «натура подтверждает все то, что из божественных истин откровение предлагает вере христианина; все таинства религии, без исключения, можно видеть и читать внимательными очами в физике, в деяниях природы и во всем порядке вселенной»¹⁶.

С забвением истинного значения законов физического мира наступил второй период, когда мифологический Аполлон, который принял человеческий облик и пас стадо царя Адмета, на протяжении всей своей земной жизни совершал подвиги во имя любви к человеку и «вдыхал в Поэтов язык богов, или слово божественное...»¹⁷. Потом предания Всевышнего переходят к античным философам, мудрые высказывания которых об общественно-государственном устройстве, социально-политических отношениях, морально-нравственных установках оказались широко востребованными не только современниками, но и многими поколениями потомков: «... к понятию, данному нами о древней философии, присовокупим еще, что она в новейшие времена сохранилась наиболее в духовных Орденах, и древние философы во многом походят на монахов»¹⁸.

Сравнивая воззрения Цицерона с представлениями Бенетама, издатель задает риторический вопрос: «Можно ли и сравнивать понятия Цицероновы о должностях, о справедливости, о честности, с понятиями например всеми прославляемого Бенетама, у которого все права основаны на купеческих расчетах и барышах, и который составил бухгалтерию для Совести?»¹⁹. Кроме того, он поражается тому, «... сколько Древние вообще были ближе к понятиям и истинам Христианским, нежели мы, имеющие писанное Евангелие и называющиеся Христианами!»²⁰. Овидий повествовал о шести днях творения, Пифагор с помощью знаменитой теоремы объяснил таинство примирения падшего человека с Богом, а Сократ ничего не предпринимал без совета и против воли ангела-хранителя. Приступая к открытиям с глубокой верой, Платон рассуждал о праведности, дошел до познания Святой Троицы, изобразив ее символом всеобщей истины – буквой «X», а в одном из сочинений говорил о будущем идеальном государстве, когда будет «едино стадо и один пастырь», всех людей будет связывать любовь, а благо каждого будет считаться общим достоянием. При сопоставлении его представлений с идеями Канта А. Лабзин доходит до таких суждений: «... и по сравнению сего метафизика с Платоном, прежний мудрец покажется воспитанником Христианства, а нынешний как бы жил еще в язычестве»²¹. Вообще

отношение А. Лабзина к античному наследию характеризует им же подмеченное высказывание одного мыслителя: «Евсевий приводит Нумения, философа Пифагорейскаго, говорящим о Платоне: “Платон ничто иное, как Моисей, одетый по Аттически”»²². Поэтому в их трактатах самый благочестивый христианин может смело искать божественное откровение и признавать их идеи за «святейшие», поскольку «... самые Церковные Отцы, знакомые с премудростию Божию, не боялись находить оную в писаниях Древних, так как Климент Александрийский находил в творениях Пифагоровых даже начертание церкви Божией», понимая, что «... истинные Философы, и в самой древности, и в самом язычестве, согласны были с истинами Христианской религии!»²³. Однако природа окружающих вещей, требования времени не позволяли четко и ясно излагать свои мысли, а тот кто игнорировал главное – не оберегал истину от непосвященных и, невзирая ни на что, занимался активной проповеднической деятельностью – мог погибнуть так же, как Сократ.

Так же как и Ж. Ф. Дютуа-Мембрини, который говорил, что, «собрав места из древних философов и стихотворцев о религии, мы увидим почти полную систему всех божественных таинств, представляемых нашей вере откровением»²⁴, А. Лабзин отдавал дань уважения ученым мужам, но, естественно, не ставил их в один ряд с христианами. Так, хотя древние философы преуспели в познании многих сложных предметов, они с трудом постигали их подлинный смысл, в то время как христиане после пришествия Спасителя получили возможность разгадывать самые глубокие тайны. Но издатель не давал однозначного ответа на вопрос, имели ли люди других вероисповеданий право претендовать на открытые Иисусом истины, а если да, то почему и на каком основании. С одной стороны, Спаситель принес очистительную жертву за грехи всех без исключения людей и поэтому понятия обо всех важных предметах формировались на основании не только чувств, ощущений, разума, но Божественных откровений через особых вдохновенных существ, гениев, духов, полубогов, доступных всем, независимо от национальной и религиозной принадлежности. С другой стороны, А. Лабзин затрудняется сказать, каким образом Господь выведет на путь спасения тех, кто не слушал и не читал Евангелия, поскольку в Библии мало упоминаний по этому поводу. Но уже в следующей статье он укоряет современников, не придававших античному наследию и художественным образам особенного значения и не понимавших, что «мифология и Священное Писание сходятся: Мифология действительно есть не баснословие, но богословие. Философия и физика Древних»²⁵. В итоге А. Лабзин заключает: «... и так книга бытия есть книга Философии, и истинная Философия приобретается чрез откровение божественное, чрез слово

Божие, говорящее внешне и внутренно, в книгах и в вещах, и в самом человеке; и следовательно определение то справедливо, что Философия есть видение вещей божественных и человеческих»²⁶. Получается, что природа, языческие тризны, жреческие священнодействия являются источниками божественных истин, потом облеченных в слова Библии, а мифы, мудрые изречения древнегреческих и древнеримских мыслителей не просто пустые, ничего не значащие вымыслы и софизмы, но символы, иносказательно выражающие предстоящее великое событие – пришествие и искупительную миссию Иисуса.

Можно сказать, что А. Лабзин усвоил главные положения теории мистиков о надцерковном христианстве, но в своих логических построениях пошел дальше и стал проповедовать универсальную религию всемирного и внеисторического характера, которая имела единое Евангелие, дополнявшееся по мере увеличения знаний другими заветами. Однако, оставаясь апологетом христианства и не приемля иных догматов, он наделял все разнообразие конфессиональных особенностей элементами этого подлинного вероучения. Словно устав масонского ордена, А. Лабзин составляет иерархию людей определенной категории – хранителей божественных истин, – объединяя их в некую невидимую организацию, знания, законы и цели которой передавались преемственно и, являясь тайной для посторонних, полностью открывались лишь избранным членам, посвященным в высшие степени этого своеобразного «ордена».

УДК 94(47).082+008(09)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АЛЬЯНС: ДЕЯТЕЛИ «НОВОЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ» НА СЛУЖБЕ У АЛЕКСАНДРА III

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет
E-mail: lukonin@info.sgu.ru

Автор представленной статьи обращает внимание на непростые отношения между императором Александром III и деятелями «новой русской школы». Рассматриваются художественные пристрастия императора-националиста, его политика в области искусства. Демонстрируется сходство подходов в понятиях «национального, русского», объясняются причины несостоявшегося альянса кучкистов и государственной власти.

Ключевые слова: Александр III, русское искусство, русская художественная интеллигенция, национализм, «новая русская школа».

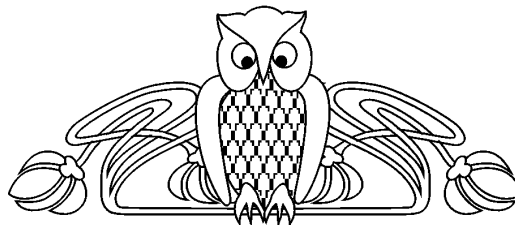
A Failed Alliance: the Functioners of «The New Russian School» on the Service of Alexander III

D. E. Lukonin

The author of this article points out a complicated relations between the Imperor Alexander III and the functioners of «The New Russian

Примечания

- 1 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 9–10.
- 2 РНБ. Ф. 338. Д. 6. Л. 10.
- 3 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 7–8.
- 4 Там же. С. 4–11.
- 5 РНБ. Ф. 338. Д. 6. Л. 11.
- 6 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 8–9.
- 7 Там же. С. 9–11.
- 8 РНБ. Ф. 338. Д. 6. Л. 9–15.
- 9 Сионский Вестник. 1806. Июль. С. 33.
- 10 Там же. 1806. Июль. С. 58.
- 11 Там же. 1806. Февраль. С. 176.
- 12 Там же. 1818. Апрель. С. 106.
- 13 Там же. 1806. Февраль. С. 130.
- 14 Там же. 1806. Январь. С. 15.
- 15 Там же. 1817. Сентябрь. С. 305, 312.
- 16 Галахов А. Д. Обзор мистической литературы в царствование Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 134–135.
- 17 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 43.
- 18 Там же. С. 30.
- 19 Там же. С. 22–23.
- 20 Там же. С. 22.
- 21 Там же. С. 40.
- 22 Там же. С. 16.
- 23 Там же. 1806. Июль. С. 26, 33–34.
- 24 Галахов А. Д. Указ. соч. С. 98.
- 25 Сионский Вестник. 1806. Январь. С. 44.
- 26 Там же. 1806. Июль. С. 25–26.

School». There are examined Alexander's nationalist preferences in painting and music and his policy toward the fine arts in Russia. The article demonstrate some similarities in concepts of «Russian» and «National» between the Imperor and the members of «Russian Five» and explain the reasons of their failed alliance.

Key words: Alexander III, Russian art, Russian art intellectuals, nationalism, «The New Russian School».

Не получив в конце 70-х гг. XIX в. прочного положения на российской музыкально-общественной арене и испытывая недостаток признания со стороны правящих кругов, сторонники «национального направления» в искусстве с большим интересом присматривались к изменениям в общественной и государственной жизни, наступившим с воцарением Александра III. Националистическая ориентация последнего была хорошо известна. Еще будучи наследником